

нужая этому влеченію, человѣкъ нерѣдко возстаетъ противъ детально раздѣленнаго труда, если онъ препятствуетъ всестороннему развитію личности. Но слѣдованіе этому влеченію сказывается и въ формѣ болѣе общей: отъ самой далекой старины человѣкъ старается разгадать вѣшнюю природу и самого себя и извлечь изъ всего, что его окружаетъ, возможно больше для удовлетворенія своихъ потребностей; онъ стремится получить отъ окружающаго какъ можно больше, для сохраненія своей жизни и для наслажденія. До сихъ поръ исторія человѣчества протекала такъ, что только меньшинству была обезпечена возможность всесторонняго развитія личности. Однако, демократизація общества дѣлаетъ это доступнымъ для круга, все болѣе и болѣе широкаго.

Нельзя найти въ прошломъ сколько-нибудь продолжительный періодъ, который оправдывалъ бы заключеніе, что человѣчество измѣнится согласно съ надеждами Толстого. А особенности человѣческой природы ручаются, что жизнь будетъ неуловно развиваться въ томъ направленіи, какъ до сихъ поръ. Это не значитъ, что она будетъ все болѣе усложняться и запутываться. Несомнѣнно, ея сложность уменьшится съ измѣненіемъ общественнаго строя, со смягченіемъ имущественныхъ неравенствъ и другихъ рѣзкихъ различій, которыя разъединяютъ теперь классы и общественныя группы. Но отпаденіе многихъ уродливостей, которыя произрастаютъ на почвѣ чрезмѣрнаго богатства, праздности и извращенныхъ вкусовъ, еще не приведетъ къ опрошенію въ духѣ Толстого. Природа человѣка будетъ всегда требовать полноты и разнообразія жизни, ибо только чрезъ ихъ посредство личность получаетъ наиболѣе яркое выраженіе.

И впредь, какъ и теперь, найдутся охотники жить по рецепту Толстого. Но это будутъ люди безцвѣтные, вялаго темперамента, съ болѣзненно простыми требованіями отъ жизни. Не они будутъ двигать человѣчество впередъ. Общій праотецъ Адамъ нарушилъ запретъ Небесъ и вкусилъ отъ древа познанія добра и зла. И нашихъ отдаленныхъ потомковъ всегда будетъ влечь къ этому источнику. Они всегда будутъ во власти желанія вкушать отъ этого древа, дабы обогатить свою природу, какъ тѣлесную, такъ и духовную.

Мечты Толстого о томъ, какъ измѣнится человѣкъ, и каковъ будетъ строй грядущихъ обществъ, не имѣютъ никакого значенія. Онѣ не обогащаютъ нашихъ знаній полезными теоріями или хотя бы гипотезами; тѣмъ болѣе бесполезны онѣ для практической дѣятельности. Но, быть-можетъ, велика цѣнность неустаннаго напоминанія о томъ, что люди должны любить другъ друга?

Прекрасное само по себѣ, оно должно вызывать сочувствіе каждаго, чья душа хотя немного склонна къ добру. Но слабая сторона Толстого въ томъ, что онъ буквально подражаетъ Христу. Онъ упускаетъ изъ вида, что религія, какъ и все въ жизни людей, тѣсно связана съ совокупностью условій, среди которыхъ она вырастаетъ. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ только маленькая дробь человѣчества воспріяла высокую культуру. Большая часть римскаго царства жила первобытною жизнью; имущественныя различія между членами этой среды, особенно въ Іудеѣ, были не велики; потребности простые; расчлененіе общества на классы незначительно: а потому и краткая заповѣдь о любви къ ближнему, безъ ближайшаго указанія способовъ осуществлять ее, была понятна всѣмъ. Она вносила ломку въ жизнь тѣхъ, кто, подобно богатому юношѣ, вопрошавшему Христа о вѣчномъ блаженствѣ, владѣлъ значительнымъ имуществомъ; но она не измѣняла условій существованія огромнаго большинства, такъ какъ его жизнь отличалась крайнею простотой. Завѣты же Толстого о любви къ ближнему съ указаніемъ формъ, въ которыя должна облекаться любовь, грѣшатъ полнымъ забвеніемъ о современной дѣйствительности. При простотѣ жизни въ далекомъ прошломъ послѣдователю Христа было нетрудно оставить